

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. ПЛАМЕНЕЮЩИЙ МИФ

(историко-литературное исследование)

RUGRAM
Издатель Иванов В. Ю.
2022

УДК 821.161.1
ББК 84-4(2Рос=Рус)
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 Княгиня Ольга. Пламенеющий миф / Е. Дворецкая. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 348 с. – (Исследования мировой истории).

ISBN 978-5-521-90730-4

Образ Ольги весьма и весьма неоднозначен. Он двоится и трояится. Первый образ – реальная живая женщина, правительница, жена, мать и бабушка. Второй – православная святая, «начальница веры» (от слова «начало»). Третий – героиня мифа, живущая в особом мифологическом пространстве. В первом из этих качеств Ольга умерла 11 июля 969 года, более тысячи лет назад. Во втором и третьем живет до сих пор, причем ее мифологический образ продолжает развиваться. Работа ставит себе цель разделить, насколько это возможно, три образа Ольги, показать, где заканчивается реальная женщина и начинается героиня мифа, а также выделить черты, характерные для каждой из них.

Издается в авторской редакции.

BIC HB
BISAC HIS032000

© Елизавета Дворецкая, текст, 2022
© RUGRAM, 2022
ISBN 978-5-521-90730-4 © Т8 Издательские технологии, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	4
Часть первая. Происхождение	23
Часть вторая. В замужестве	91
Часть третья. Древлянская война	131
Часть четвертая. Уставы и уроки	207
Часть пятая. Путешествие в Царьград.....	217
Часть шестая. Начало церковного строительства.....	263
Часть седьмая. Жизнь после смерти	326
Заключение	334
Указатель лиц и памятников	341
Библиография	345

ВСТУПЛЕНИЕ

ЕДИНАЯ В ТРЕХ ЛИЦАХ

Образ княгини Ольги является, без преувеличения, одним из столпов русской национальной культуры. Истории известны многие десятки знаменитых женщин – правительниц, воительниц и святых, – но едва ли кто-то может равняться с ней по силе оказанного влияния на формирование и общественного, и культурного облика страны. Ольга буквально краеугольный камень русского государства и русской православной церкви. В ней соединились женское обаяние, мощь государственного деятеля и героический дух раннесредневекового идеала, благодаря чему она не имеет себе равных и до сих пор будит воображение наших современников.

В то же время образ Ольги весьма и весьма неоднозначен. Он двойся и троекся. Первый образ – реальная живая женщина, правительница, жена, мать и бабушка. Второй – православная святая, «начальница веры» (от слова «начало»). Третий – героиня мифа, живущая в особом мифологическом пространстве. В первом из этих качеств Ольга умерла 11 июля 969 года, более тысячи лет назад. Во втором и третьем живет до сих пор, причем ее мифологический образ продолжает развиваться. Однако большинство описаний и даже исследований и сейчас продолжают объединять все три образа в один. А этого совершенно не следует делать. Моя работа ставит себе цель разделить, насколько это возможно, три образа Ольги, показать, где заканчивается реальная женщина и начинается героиня мифа, а также выделить черты, характерные для каждой из них.

На примере образа Ольги очень хорошо видно: исходное событие либо образ (А) и созданный на его основе миф (Б) – это совершенно разные вещи. Любое общественно значимое событие (в том числе судьба выдающейся личности) быстро отрывается от источника в реальности и начинает жить своей жизнью, развиваясь уже не по реальным, а по мифологическим законам. Миф сам творит понимание себя, которое разных людей вдохновляет на борьбу за их идеалы (разные идеалы причем), становится неотделимой частью культуры, из которой родился и которую питает собой. Нет смысла доказывать, что Б не равно А и «вообще

все было не так». Просто надо понимать, с чем имеешь дело – с А или с Б. С историей реального сражения у разъезда Дубосеково или с мифом о подвиге двадцати восьми панфиловцев – причем, подчеркиваю, расхождения между первым и вторым вовсе не умаляют высокое значение мифа, и любовь к исторической правде вовсе не требует разрушения мифа. Просто нужно уметь аккуратно разделить одно от другого. Миф имеет свою самостоятельную духовную ценность, а строгая, хроникальная правда – свою. Они живут в разных пластах реальности, и все эти пласты одинаково ценны. Надо осознавать разницу между ними – это поможет нам лучше понимать и историю нашу, и самих себя. Ведь если историческая Ольга – это древняя княгиня, то мифологическая Ольга – это мы с вами. Та часть духовного образа народа, которую мы вложили в нее сами.

Что касается княгини Ольги, то она была, пожалуй, одним из первых (если не вовсе первым) в русской истории примером того, как из реального явления получился миф. Мифами стали практически все ее ближайшие родственники и кое-кто из окружения, но «сказание об Ольге» было по времени создания, скорее всего, первым. Этому способствовали два основных фактора: огромное влияние, оказанное Ольгой на жизнь Руси, и то самое ее первенство по времени. Она жила слишком рано для того, чтобы о ней могло сохраниться достаточно много реальных сведений: письменной, хроникальной фиксации событий при жизни ее на Руси не существовало. Киевский митрополит Иларион упомянул о ней в своем «Слове о законе и благодати» (создано между 1037 и 1050 гг.): «...ты же (князь Владимир – Е.Д.) с бабкою своею Ольгой веру утвердил, крест принес из нового Иерусалима, града Константинова...» – это первое собственное русское свидетельство о ее существовании, сделанное более чем полвека спустя после ее смерти.

В ту эпоху история и предание не различались еще никак – и поэтому легенда почти сразу захватила Ольгу в свои цепкие объятия, буквально зажевала и перестроила образ под себя. И чтобы разглядеть реальную женщину под множество наброшенных мифом покровов, нужно проделать немалую работу. Мы постараемся это сделать, стремясь при этом к тому, чтобы не подменять чужие домыслы своими. По крайней мере, четко обозначим, где кончаются факты и начинаются домыслы.

Я не историк и не научный работник, я писатель-романист. Но раннее русское средневековье я знаю настолько хорошо, насколько это возможно для не специалиста, поскольку лет тридцать занимаюсь только этим. Моя творческая специальность дает мне еще одно преимущество. Я написала цикл исторических романов «Княгиня Ольга», состоящий из двенадцати книг, а для этого мне пришлось буквально

ногами пройти все обстоятельства ее жизни и каждую мелочь, каждый факт, событие либо явление рассмотреть так, как они могли существовать и осуществляться в реальной жизни, среди живых людей, именно там и тогда. Например, вот Повесть Временных Лет пишет: «И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге». Тех, из сюжета о «первой мести Ольги», которых потом внесли на руках в гору и сбросили в яму «великую и глубокую» вместе с ладьей. Хорошо, значит, двадцать. Ладья для речного перехода, в которую помещается двадцать человек, должна иметь в длину метров шестнадцать (предположим, что эти «лучшие мужи», то есть старейшины родов, и гребли сами, а отроков с собой у них если и было, то немного). Или, что еще удобнее, это должны быть две ладьи, каждая по десять метров. Какой глубины и ширины должна быть яма, в которую можно сбросить такую ладью, чтобы она сразу упала на дно, не застряв и не зацепившись? В длину – метров семнадцать-двадцать, в ширину – метра три, в глубину... наверное, метра три, а лучше четыре, иначе люди, крепкие мужчины, не спящие и не связанные, смогут вылезти, подсаживая друг друга и опираясь на борта ладьи, пока их будут забрасывать землей. А времени у Ольги на земляные работы было мало, послы не стали бы неделю в ладье жить, ожидая обещанной чести. Да и слухи пойдут. Доброжелатель в Киеве найдется, предупредит, или сами разведчики пошлют посмотреть, чего княгиня так долго копается... ой, там и правда что-то копают! А у Ольгиной челяди экскаватора не было, в наличии имелись деревянные лопаты, в лучшем случае с обитым железом рыльцем. По производительности труда очень сильно уступали современным, из цельного железного листа и с заточенным краем. Как быстро они смогут вырыть такую ямищу? Не наткнутся ли на грунтовые воды? И как быть с вынутой землей? Ведь ее нельзя увезти прочь – она понадобится, чтобы яму засыпать. То есть она должна остаться на месте, вплотную к яме. А это громадные горы земли получатся. Но ведь когда послов понесут к этой яме в ладье, они должны ее не увидеть, иначе они уж постараются как-то спастись. Едва ли эти «лучшие мужи» поголовно были слепыми слабоумными калеками. Из ладьи, несомой на плечах, им должен был открыться прекрасный вид на яму и громадные отвалы возле нее. «Мне сверху видно все, ты так и знай». Значит, и саму яму, и горы земли рядом, и ужасную грязь вокруг надо как-то замаскировать, чтобы с пары шагов было не видно, но при этом так, чтобы маскировка не мешала сбросить ладью, чтобы она сразу упала на дно. А потом яму нужно быстро, очень быстро забросать землей, чтобы

те послы, которые не оказались при падении зашиблены и оглушены, не сумели и не успели вылезти. Конечно, их можно было при этих попытках рогатинами назад спихивать. Но близ ямы должны тесным строем стоять люди с лопатами – не будет места для людей с рогатинами. А бросать землю и бить лопатами по головам одновременно довольно сложно. Да и не дотянешься – ведь землекопам придется стоять на высоком отвале, увязая по колено и отчаянно стараясь самим не ссыпаться вниз вместе со сбрасываемой землей. . . А на дворе осень, причем уже поздняя. Пройдет дождь – все развезет, земля намокнет и станет неподъемной. Ударят заморозки – все смерзнется...

Видите, сразу сколько проблем всплывает, если попытаешься хотя бы мысленно перенести сюжет предания в плоскость реальности. Это в сказании все проходит гладко, как «на бумаге», а в жизни сплошь «овраги». Проверки на реалистичность многие элементы мифа просто не выдерживают, и здесь вскрываются решительные расхождения между реальным и мифологическим образом Ольги. И становится ясно, что общеизвестный образ, описанный во множестве пособий – он-то как раз мифологический, а не исторический.

Если же попытаться выделить исторический образ Ольги, то вспоминается толстовская поговорка: «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нет». Откройте любой справочник, бумажный или тем более сетевой – получите длинный рассказ о жизни княгини Ольги с множеством живописных подробностей. Но – внимание! – это вы увидите «Большой миф о княгине Ольге», при создании которого свалены в одну кучу немногие твердые факты с множеством предположений и домыслов. Причем сплошь и рядом домыслы и предположения выдаются за факты – иначе такого длинного и подробного полотна не создать. Логические расхождения между фактами латаются опять же при помощи домыслов, которые при этом множатся, как отражения в бесконечном ряду зеркал.

Беспорных фактов об Ольге крайне мало. Они следующие:

- происходит из Пскова (оговорки – чуть ниже);
- имела мужа Игоря, сына Святослава, внуков Ярополка, Олега, Владимира;
- жила в Киеве;
- овдовела примерно на середине жизни;
- съездила в Константинополь;
- приняла крещение и получила имя Елена;
- умерла 11 июля 969 года.

Собственно, это все. Все остальное, что вы о ней знаете – или узнаете, открыв упомянутые справочники, – или подвергается сомнению, или происходит из версий, построенных по косвенным данным, или просто является частью литературной легенды. Мы не можем точно сказать, когда она родилась. Летописи дают неправдоподобно ранние даты ее брака (903 год) и десятилетний возраст во время свадьбы, из чего издавна высчитывали год ее рождения как 893-й. Из этого получалось, что единственного сына Ольга родила в пятьдесят с лишним, лет через сорок бесплодного супружества (что явно напоминает библейские сказания), а византийского императора пленила своей красотой, будучи 65-летней старухой. (И это при том, что старшая возрастная категория раннесредневековых покойниц по материалам погребений – 50–55 лет.) Из этого противоречия родилась версия, будто у Игоря были последовательно две жены, и обе, представьте, Ольги. Более реалистичные даты ее рождения – где-то в 920-х годах – историки получают путем логических исчислений, учитывая факты жизни Святослава (у которого, кстати сказать, тоже точный год рождения неизвестен, является предметом споров и выводится предположительно). Мы не можем сказать, где она родилась. Летопись выводит ее из города Плескова, что является старинной формой названия Пскова (от названия реки Плесковы, впадающей в Великую). И, собственно, нет оснований считать, что в данном случае «Плесков» означает не что всегда, а какой-то другой город. Однако было немало охотников найти в «Плескове» что-то другое. В нем видят болгарскую старую столицу Плиску, что придает и образу Ольги, и тогдашней политике Руси совершенно другую окраску. Версия эта имеет почтенный возраст – она возникла в XV веке и связывает брак Игоря (устроенный Олегом) с желанием заключить союз с болгарским царем Симеоном Великим против Византии. Идея такого союза прижилась в художественной литературе и весьма популярна в настоящее время среди любителей истории, но в науке обоснований не имеет: несмотря на то, что и Русь, и Болгария веками соперничали и воевали с Византией, их попыток заключить между собой союз против нее неизвестно. Зато враждебные акции, направленные друг против друга и на пользу Византии, предпринимались и той, и другой стороной. Идее о происхождении Ольги из семьи царя Симеона прямо противоречат данные источников: в 922 году патриарх Николай I предупреждает Симеона, что император, Роман I Лакапин, заключил против него «безоговорочное соглашение» с «росами, союзными с ними печенегами, аланами и западными турками» (турками византийцы называли венгров). Вполне очевидно, что «росы» не могли

одновременно взять в семью родственницу Симеона, то есть установить с ним ближайшую родственную связь, и заключить против него соглашение с его злейшими врагами-греками.

В родном городе Ольги видят Плеснеск (Плиснеск) – город на Волини (Западная Украина), весьма значительный центр раннего средневековья, позже захиревший и впавший в безвестность. Более поздние литературные памятники делают Ольгу не уроженкой, а основательницей Пскова, из чего возникла версия, что родиной ее нужно считать древний город Изборск (в 30 км от Пскова). В Изборске, по легенде о призвании варягов, правил младший брат Рюрика, Трувор, и Ольга, таким образом, выводится из его потомков... но это мы уже забежали вперед. Все эти попытки связаны с долго бытовавшим убеждением, будто Пскова тогда еще не было, а оно, в свою очередь, вышло из легенд о том, что сама Ольга основала не то город Псков, не то Троицкий собор на том месте, где ей было видение трех сияющих лучей среди дремучего леса. Ну а раз в ее время на месте Пскова был дремучий лес, то родиться она там не могла. Однако эти сомнения оказались напрасны, археология впоследствии прояснила этот вопрос: Псков был основан лет за триста до рождения Ольги, и об этом мы поговорим чуть позже.

Сомнению подвергаются и другие обстоятельства ее жизни. Сколько у нее было детей – один или двое? С легкой руки В.Н. Татищева, описавшего, как Святослав замучил своего брата Глеба (как вариант, Улеба, хотя это совершенно разные имена) за веру христианскую, у мифологической Ольги появился второй ребенок. Когда и где она крестилась? Немецкие анналы и русские летописи ясно пишут, что она приняла крещение в Константинополе, но из двух греческих источников, упоминающих о ее визите, крещение в Византии подтверждает только один. Когда это было? Император Константин VII Багрянородный, лично с ней знакомый, подробно описал два приема водворце, на которых она присутствовал, указал все детали, поставил числа – 9 сентября и 18 октября, но не поставил год. Указанное сочетание числа и дня недели подходит к 946-му и к 957-му годам – и существует огромная литература, посвященная спору вокруг выбора одной из этих дат. Разумеется, есть попытки примирить их путем предположения, что она была в Константинополе дважды, хотя ни в одном источнике нет указаний на два визита. А русские летописи дают и третью дату крещения – 955 год, из чего родились предположения, будто княгиня крестилась еще в Киеве, а к императорам поехала уже христианкой...

Да как ее звали-то, собственно? Вариантов немало – Ольга, Вольга, Эльга, Хельга... даже Волга. Мы используем устоявшийся в культуре

вариант Ольга, но он не единственный и даже, я вам скажу, не аутентичный. Константин Багрянородный, как мы уже отмечали, лично знакомый с ней, записал ее имя как «Элга» – с той же буквы, с какой пишется ее крестильное имя Елена (Элене). А Константин, человек очень грамотный и ученый, уж, наверное, сумел записать так, как ему ее представили, как это имя произносило само окружение княгини. «Ольга» – ославяненный вариант, возникший по тому же принципу, как из Елены получилась Олена, и он оформился к концу X века, после смерти носительницы. Так что само имя «Ольга», представьте себе, принадлежит не живой женщине, которая давно умерла, а мифическому образу, который жив до сих пор и нам знаком. Князь Игорь свою супругу при жизни называл Эльгой (или Ельгой).

Ну и так далее. Все то длинное, красочное полотно ее жизнеописания, известное широкой публике, возводится над фундаментом из многих перечисленных выше фактов. Всеми прочими узорами ее жизнь расписала легенда, создававшаяся в течение многих веков: с XI по XVIII. А кое-что к ней прибавляется и сейчас.

ОБРАЗЫ КНЯГИНЯ ОЛЬГИ

Я не случайно употребила слово «образы» во множественном числе – выше уже упоминалось, что их можно выделить не менее трех. Или даже четырех. Начнем с конца – рассмотрим образ Ольги, сложившийся в современном массовом сознании. Самое простое, мемы и прочие комиксы, однозначно связывают образ Ольги с идеей сожжений и массовых убийств. То есть Ольга – это женщина, которая сжигала города вместе с людьми. А поскольку хороший человек таким делом заниматься не будет, в «мифе о княгине Ольге» она отражена как весьма неприятная особа: жестокая, коварная, безжалостная, властолюбивая, холодная. Если мы возьмем художественную литературу, то именно этот отталкивающий образ здесь цветет пышным цветом. Мне известно с десятков исторических романов, в которых княгиня Ольга действует как главный или второстепенный персонаж, и почти везде одно и то же: властолюбивая женщина, которая пыталась оттеснить от кормила сначала мужа, а потом сына. Ей приписывают даже узурпацию власти, принадлежавшей Святославу. Она холодна, никого не любит и ни к чему не стремится, кроме власти, она жестока, способна идти по головам, и даже христианство в ее руках превращается в орудие вражды и ненависти. Столь значимый образ современное нам сознание расписывает самыми черными красками. На множестве рисунков мы видим надменную особу с ледяным сердцем и злыми глазами,